

Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком.

Л. Э. Каруновской.

(Представлено академиком Е. Ф. Карским в заседании Отделения Исторических Наук
и Филологии 10 марта 1926 года).

Приведенный ниже материал получен мною путем наблюдений и рас-спросов во время пребывания на Алтае летом 1924 года, частью в телеут-ском селении Улус-Черга, частью в улусе алтайцев Адардэ.

Не будучи знакома с алтайским языком, я поселилась в телеутской семье, глава которой Степан Шебураков, 45 лет, и его сестра Татьяна, 40 лет, свободно говорили по русски. Особенно словоохотливой оказалась жена Степана телеутка Александра, 30 лет, к сожалению с трудом объ-яснявшаяся со мной. У нее был огромный запас рассказов, она отлично знала подробности молений, обрядов; прекрасно помнила уже отживающие традиции и часто, когда в затруднительных случаях приходилось обращаться к Степану или Татьяне, как к переводчикам, они сознавались, что уже забыли или вовсе не знают того или иного предания или подробности, при-водимых Александрой. В этом же селении чаще всего приходилось беседо-вать с двумя пожилыми телеутками, одна из которых Коюн Шадеева, 57 лет, была признанной хранительницей старинных традиций и первой помощницей при появлении на свет ребенка.

Одновременно в Улус-Черге работал знаток быта и языка алтайцев, Андрей Викторович Анохин. Ему я обязана ценными указаниями при записи текстов, каковые он корректировал и перевел. Без его помощи я была бы лишена возможности привести помещенные ниже обращения к «Ма́й-а́йя», «Ко́рь-а́йя» и «А́йя-кíжi». Обращение к «а́йма́гандáр'ам» запи-сано и переведено А. В. Анохиным.

Здесь же пользуюсь возможностью выразить мою глубочайшую при-знательность С. Е. Малову за просмотр приводимых текстов.

Как уже упомянуто, большая часть материалов собрана у телеутов; те сведения, которые относятся к алтайцам, будут в соответствующих местах оговорены. Во многом воззрения телеутов и алтайцев совпадают.

По местным верованиям на пятом небе живет могущественный Жајұчы-хан,¹ по милости которого у людей рождаются дети; это он посылает мужчине «кут»² на ребенка. При выяснении, что такое «кут», Којон Шадева сказала приблизительно следующее: «Вот ты видишь цветы, траву, деревья; когда-то они были совсем маленькие, а семечко, из которого они выросли, было когда-то такое маленькое, что и не видно его было, сила же в семечко такая была положена, что стало оно расти и расти; силу эту в семечко положили „ўктәр“;³ семечко мы видим, а силу эту не видим; на ребеночка силу делает Жајұчы-хан и дает мужчине».

Когда во время камлания кам попадает на пятое небо и ведет там переговоры с Жајұчы-ханом, присутствующие на камлании женатые мужчины придвигаются возможно ближе к каму, протягивают свои шапки под самый бубен, чтобы кам положил в них полученный от Жајұчы-хана «кут» на ребенка.

Первым условием счастливой семейной жизни является обилие детей. Если у молодой пары долго не появляются дети, она из «худого» места перебирается на другое, а прежнее жилище разрушают.

На почве страстного желания иметь детей существуют различные приметы, сулящие потомство; так, верным средством, обеспечивающим рождение детей, считается находка мертвого зайца с целым черепом, или даже одного только черепа зайца; такая находка называется «әрдіңә», по объяснению Степана Шебуракова — счастье. Найденный череп мужчины носит при себе на поясе, а обеспеченный достаточным количеством детей хранит его в сундуке; сила «әрдіңә» распространяется и на скот счастливого обладателя находки: скот его получает плодовитость.

По словам того же Степана, будто бы в лесу, на муравьиной куче бывает кипение серебристой пены; эту пену нужно, не мешкая, собрать и натереть ею свое тело с поясницы вверх. Прodelавшему это обеспечено обильное рождение детей и плодовитость скоту, а вместе с тем полное благополучие и богатство; но чрезвычайно редко кому удается увидеть это кипение.

Телеутка Александра говорила мне, что на Алтае, в тенистых местах логов, ранней весной, растет синий цветок,⁴ корень которого на подобие человеческой руки с пятью пальцами. Если настойку из этого корня жен-

¹ См. В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы. М., 1893, стр. 70, 71, 73.

² См. В. И. Вербицкий. *Op. cit.*, стр. 77, 78; В. А. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Сборн. МАЭ, т. IV, в. 2, стр. 10. По словам А. В. Анохина «кут» на животных делает Аңам-МорҖан Таңар.

³ По объяснению А. В. Анохина — духи, населяющие определенный район.

⁴ А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев, стр. 18.

щина будет пить, обязательно ребенок родится, даже у незамужней. Этой настойкой можно тайком напоить гордую зазнавшуюся девушку, отвергающую всякое ухаживание, и она забеременеет и родит ребенка. Цветка этого показать мне не могли: его будто бы очень редко находят.

Внебрачная беременность среди телеутов считается большим позором. Безмужняя не может разрешаться от бремени в своей семье, поэтому мужчины улуса всеми силами принуждают виновника беременности к женитьбе; в тех случаях, когда отца ребенка не удается обнаружить, родственники девушки подыскивают ей старого вдовца, уговаривают последнего взять девушку в жены, хотя бы на время ее беременности и родов. В подобных случаях не обходится без подкупов со стороны близких девушки. Тетка Степана забеременела от проезжего русского скупщика скота; родные, узнав об этом и желая покрыть позор семьи, предложили работнику жениться на ней за большое вознаграждение; молодой человек отказывался до тех пор, пока цена вознаграждения не достигла 200 лошадей, сотни коров и овец.

Совершенно другое отношение к беременности до брака замечается у алтайцев. Близкие, заметив результат увлечения, собираются вместе, приглашают девушку и вынуждают ее назвать виновника беременности. Получив ответ, приглашают и молодого человека на место совета, спрашивают у него, когда он намерен внести калым и взять девушку в жены. В редких случаях отрицательного ответа ждут разрешения от бремени и, если родится мальчик, виновник его рождения должен отдать родителям девушки коня и ружье; если на свет появляется девочка, отец ее должен отдать корову с телянком или кобылу с жеребенком. Если молодой человек беден, уплатить назначенного не может, он должен поступить в работники, пастухи, зарабатывать и внести положенное. Ребенок остается у родителей девушки, а последняя может с прежним успехом рассчитывать на скорое замужество.

Александра с усмешкой говорила, что у алтайцев даже счастьем считается получить беременную невесту; о такой невесте алтайцы будто бы говорят, что она входит в новую семью «айкі башту», т.-е. двухголовая, с благодатью, с приплодом.

На расспросы о внебрачной беременности 90-летняя алтайка Анна Бачи сказала: «Ну, что-ж, хорошо, коли баба не пустая ходит, что-ж жениху быть недовольным-то». При этом привела алтайскую поговорку, по смыслу соответствующую нашей: «Чей бы бычек ни скакал, а теленочек наш».

Замужняя телеутская женщина беременность свою скрывает до последней возможности от родителей, близких и окружающих; с этой целью, выходя из дома, она набрасывает на себя длинную одежду. На вопрос, почему нужно скрывать, отвечали: «Стыдно». Женщину, которая не доста-

точно тщательно прячет округлость стана, окружающие с негодованием называют бесстыдной.

Скрывание это ведет к тому, что беременные молодые женщины продолжают исполнять тяжелую работу, поднимать тяжести, ездить верхом.



Рис. 1.

Александра на 4-м месяце беременности подняла пудовки, надорвалась, стала истекать кровью, но, будучи вынужденной скрывать беременность, продолжала таскать чугуны из печи, месить квашню, в конце концов свалилась с невыносимыми болями, в жару. Вызванная русская бабка, осмотрев ее, объявила, что ребенок давным давно (!) мертв и выходит кусками. Александра выжила, но теперь в 30 лет калека. К своему рассказу она добавила: «И много у нас таких вот, как я, испорченных после ребенка».

Беременная женщина, не отличаясь в своих каждодневных занятиях от здоровых, в пище должна соблюдать некоторые запреты: она не должна употреблять в пищу голову коровы, барана, рыбы, особенно же ей надлежит избегать даже смотреть на глаза мертвых животных.

Перед наступлением родов молодая женщина едет к своим родителям за родовыми куклами, покровительницами домашнего очага, так называемыми «ĭmāgāndār'ами» (рис. 1);¹ без них она рискует жизнью во время родов, или ребенок может родиться слепым.

Почувствовав приближение родов, она приглашает к себе одну из соседок, слышущую за ловкую, счастливую в приеме ребенка. При тяжелых родах помогают две-три женщины; если же роды заранее предполагаются тяжелыми, то зовут бабку из ближайшего русского селения.

¹ «ĭmāgāndār'ы» готовятся для молодой женщины старшей родственницей в семье; шьются они из тряпок в виде бесформенных туловищ, без конечностей, набиваются паклей; вместо глаз пришиваются две бисеринки, причем существует поверие, что какого цвета бисеринки-глаза, такого цвета будут глаза детей.

О происхождении «ĭmāgāndār'» у телеутов сохранилось следующее предание: когда жене хана Конгдайча пришло время родить сына, богатыря Шуну-хана, она послала к своему отцу, тоже хану, за куклами, которыми она играла в родительском доме будучи девочкой; присланные ей куклы оказались живыми; она днем их кормила, на ночь укладывала спать, делая все это для того, чтобы легче было родить первенца, и действительно безболезненно произвела на свет Шуну-хана; и теперь все телеутские женщины, собираясь родить первенца, берут из родительского дома «ĭmāgāndār'» в память оживших кукол матери Шуну-хана.

Если муж увозит молодую жену в очень дальний улус, она берет с собой «ĭmāgāndār'» вместе с приданым.

Сложенные в холщевый мешочек, куклы эти обычно хранятся на печке. У оплывшей телеутки Анисьи «ĭmāgāndār'ы» лежали в избе на полке. Не безынтересна следующая подробность: во время гражданской войны у названной Анисьи пропали «ĭmāgāndār'ы»; в том же году умер у нее ребенок. Это обстоятельство было поставлено в связь с пропажей «ĭmāgāndār'»; боясь потерять трех своих детей и не имея возможности, за даль-

Рожает женщина у себя дома, на полу; даже в том случае, когда у нее имеется кровать, ее спускают на пол, где она и остается два-три дня после родов.

Рожая, женщина становится на колени, под нее подстилают кошму или овечью шкуру, под мышки продевают холст или веревку из конского волоса, и две женщины, стоя возле, поддерживают за концы.

При тяжелых родах женщину заставляют ухватиться за подвешенное к потолку полотенце и повисать на нем, а две женщины, обыкновенно родственницы роженицы, ее слегка поддерживают; в то же время бабка давит живот, гладит его, производя движение руки сверху вниз и кругообразно с левой на правую сторону живота. Если роды затягиваются, причиняя страдание роженице, одна из присутствующих престарелых женщин окуривает ее вереском, помахивая дымящейся веткой справа налево над головой, грудью,

ночью расстояния, получить от своих родных новые «*ймәгәндәр*», Анисья сама сшила себе покровительниц и держала их на полке.

Лет в десять раз следует в честь «*ймәгәндәр*» колоть барана, а весной и осенью каждого года — по словам Коюн, именно весной, по зелени, когда природа новая, молодая — нужно кормить «*ймәгәндәр*». С этой целью из пшеничной муки, молока и масла варят саломат. Мне пришлось два раза присутствовать на кормлении. Однажды под вечер (в августе) Коюн достала с печи «*ймәгәндәр*», 12 штук, рассадила их в правом углу избы по лавкам, по 6 штук на каждую сторону, на сложенное в несколько раз холщевое полотенце. Возле крайней левой куклы поставила «*канатту*» — небольшую деревянную развилку с протанутой между развилками тряпчковой и прикрепленными перышками — «*канаттулар*» (крылатые пенаты телеутов); возле крайней правой куклы поставила маленький (20 см в диам.) бубен — «*чалу*». Перед куклами расставила три деревянные чашки с саломатом, сверху обильно политым растопленным коровьим маслом. Перед «*канатту*» стояло такое же угощение. В каждую чашку была положена ложка, ручка которой обращена в сторону «*ймәгәндәр*». Взяв скамью, Коюн села лицом к куклам, наклонилась вперед, левым локтем оперлась о левое колено, правой рукой зажженным вереском помахала перед куклами, «*канатту*» и бубенком, затем дважды обвела дымящейся веткой слева направо вокруг своей головы и положила ее на лавку. Правой рукой взяла ложку из левой чашки и, макая в саломат, стала угощать подряд всех кукол, поднося масленую ложку к воображаемому рту куклы; угостив всех из первой чашки, она принялась за следующую, проделывая то же самое. Кормление продолжалось около часу. Коюн молила о чем-то, шептала, утрированно картавила, то нежно уговаривая, то повышая голос до крика с явными нотками негодования. Позже Коюн объяснила мне, что «*ймәгәндәр'ы*» долго не соглашались отвесть саломат, так как были возмущены тем, что их долго не кормили, не одевали, и ей пришлось их упрашивать откусать и не гневаться.

После кормления, поднявшись с колена, на которое Коюн опустилась во время потчевания, она достала с печки большую чашу с саломатом, предлагая всем присутствующим отвесть.

«*Ймәгәндәр'ы*» просидели перед чашками до следующего утра, когда их, сложив в холщевый мешок, вновь забросили на печку до следующего угощения; саломат из чашек на другой день съели.

Второй раз кормление «*ймәгәндәр*» происходило в доме телеута Сергея Шебуракова, по причине болезни глаз его родственницы; угощал «*ймәгәндәр*» старший в семье, дедушка Семир. Церемония угощения в общем ничем не отличалась от описанной, только проделал он все значительно спокойнее, без выкриков, не изменяя голоса.

Помимо традиционного годового кормления, угощение производится по случаю затянувшихся родов и при болезни ушей или глаз у кого-либо из членов семьи.

животом, одновременно читая молитву Великому Ульгеню,¹ Творцу Сотворенного. Если это не помогает, принимаются более решительные меры: в помещении, где находится роженица, начинают швырять вещи, производя при этом возможно больше шума; одновременно снаружки мужчины улуса стреляют из ружей; в избе открывают печную заслонку; раскрывают имеющиеся сундуки, развязывают узлы, присутствующие женщины развязывают на себе пояса, роженице расплетают косы, вынимают серыги из ушей, снимают кольца с рук; присутствующим девушкам надрезают подол платья сантиметров на 10, и наконец для ускорения разрешения от бремени старшая женицина-родственница кормит «әмәгәндәр», обращаясь к ним со следующими словами:

Чок Каиракан!

Төргө болзо јөрөгөн
Төш алыжа оттурбак
Ушту јәрдән учалған
Әкчи полуб ачип кәлгән
Јәләгәчи колунды
Јәргәләш кән тичитты
Тәжәгәргә јинчи тартынзаң
Тәбәгөргө улбрак каданған
Канға чаккан чыраилу
Каҗастың питтү
Тајы канан тараған.
Тајы торко тон киігән
Тајы төат мингән
Коңудадаң косколжон
Кол бажында оіножок
Әкчи полуб ачип кәлгән
Ән әдәкші кәлгән
Атту Карымның төрігә јөнгөн

Алказына ачылғам
Јулаї болзо јаілып тур
Сүттәи болзо сүзүлүп тур
Алачыктың сакток тур
Ак јолында курчап тур

Уважаемые!

В переднем углу сидящие,
Тесно грудь с грудью сидящие,
Из Уштинской земли прилетевшие,
С приданым пришедшие,
Сообщившись вместе, приехали
На привязанных жеребят.
С повешенными бусами на груди,
С воткнутыми в темя перьями,
С красным красивым лицом,
С видом как белая бумага,
От царя Тајы распространившиеся.
Одевшие шубы из шелка Тајы,
Ездящие на верблюдах Тајы,
Отделившиеся от Конгудая.
Играющие на руках (пестование детей),
С приданым (имуществом) пришедшие,
Пришедшие с имуществом.
В переднем углу, по имени Карым,
сидящие.

На почетном брусѣ чествую.
Не думайте, не сердитесь, сидите.
Как чистое молоко пусть будут,
Жилище наше охраняйте.
На чистой долине скрепляйте (опоясывайте).

¹ См. А. В. Анохин. Ор. cit. Сборник МАЭ, т. IV, 2, стр. 9—11; В. И. Вербицкий. Ор. cit, стр. 43, 89—95.

Кырчайжа кўрўжпәғәр
Коңраіжа санашпағар
Tili болзо пір болзын

Тібіртігәр тің болзын
Корбочокту корғуспағар
Жалынғаңым уғуб туруғар
Жалбанғаңың сөзің туруғар!

Не глядите злобно друг на друга.
Между собой не ругайтесь.
Пусть будет у вас один язык (дружно
живите).

Крепки будьте в защите.
Новых побегов (детей) не пугайте.
Будьте внимательны к просьбе.
Будьте внимательны к мольбе!

И, наконец, последним, наиболее сильным средством, вызывающим скорейшее разрешение от бремени, является камлание над роженицей.

Как правило, муж и другие взрослые мужчины улуса на родах не присутствуют и входят в помещение, где происходили роды, лишь после того, как роженицу обмоют и уберут; но если муж с женой «шибко советно живут, муж жену шибко жалеет», то присутствие его желательно: жене от его присутствия будто бы легче. В таких случаях ребенка принимает на руки муж, а женщина, помогающая при родах, перевязывает пуповину ниткой и перерезает обыкновенным кухонным ножом.

Пуповина играет большую роль. Когда наступает время женщине родить, она спешит к матери за своей пуповиной; последняя, зашитая в холщевый мешечек, хранится у матери в сундуке.

У алтайцев пуповина каждого ребенка зашивается в отдельный кожаный мешечек («калта»), в 5 см величиною; затем эти мешечки прикрепляются к общей бляшке; вниз от каждого мешечка свисают три нити разноцветных бус. Все вместе называется «пәл» (рис. 2) и носится женщиной-матерью с левого бока, ближе к спине, на поясе поверх праздничного платья во время свадеб, праздников, а также в дальнюю дорогу. Нет надобности спрашивать алтайку, сколько у нее детей: достаточно сосчитать число мешечков, висящих на поясе.

До отпадения пуповины соседям из дома ничего не дают; особенно это касается огня.

Плаценту («мэстенько» по местному) родившая женщина собственно-ручно закапывает у себя под очагом, поглубже, так как на плаценту может быть своеобразное покушение супругов, у которых не выживают дети. Такие злосчастные супруги приглашают кама и просят его обратиться во время камлания к духам с мольбой об изъятии из-под очага последов



Рис. 2.

умерших детей и изгнании их за океан, а от плодовитых родителей, у которых дети выживают, чтобы духи невидимо взяли бы из-под очага последние и водворили бы их под очаг просителей.

Перевязав и перерезав пуповину, женщина обмывает роженицу теплой водой, перевязывает живот штанами мужа и оставляет ее на полу, прикрыв

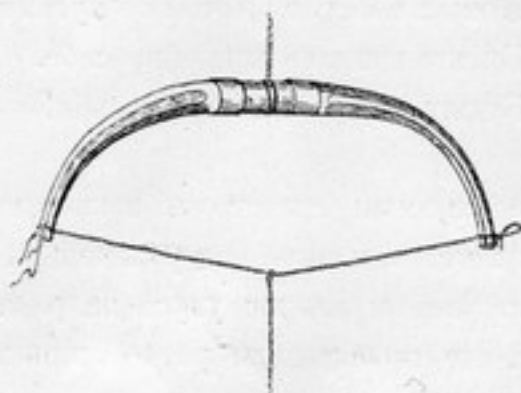


Рис. 3.

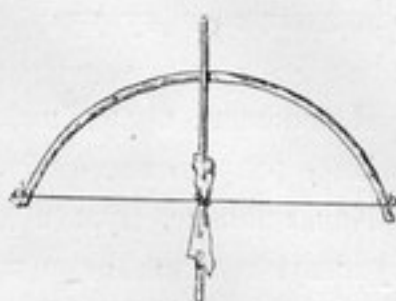


Рис. 4.

верхней одеждой. Все внимание обращается на новорожденного. Первая процедура, которой он подвергается, также не особенно сложна: помогающая

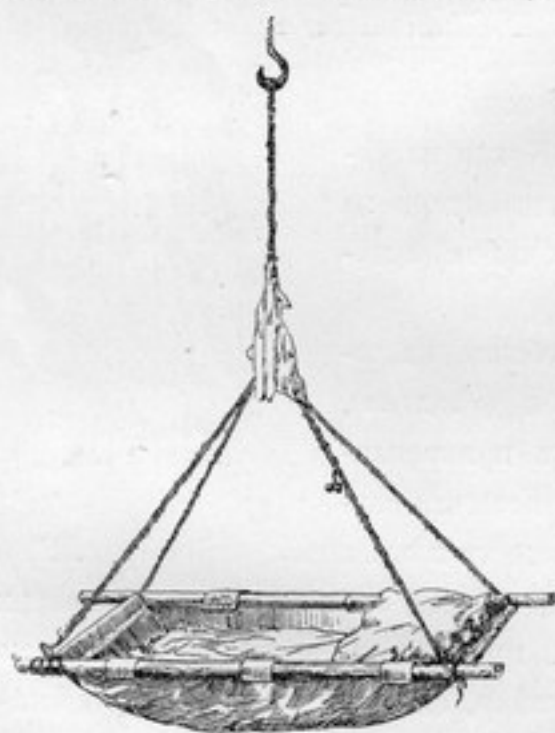


Рис. 5.

при родах женщина, или отец, если он присутствует, обмывает ребенка теплой, слегка соленой водой, тело намазывает бараньим салом, промежность, паховые складки и под руками перекладывает листья бадана, затем заворачивает ребенка в шкурку молодого барана и в рот дает ему кусок овечьего или конского сала. Если ребенок проявляет признаки беспокойства, вертится, плачет, то на него кладут штаны отца.¹

Зыбка («пубай», рис. 5) у телеутов состоит из березовой рамы с натянутым на нее холстом (недавно перенята от русских, до того была вся деревянная); причем деревянную часть готовят отец

матери новорожденного, а холст ткёт бабушка, мать матери; они привозят зыбку и, передавая ее родителям новорожденного, говорят: «Принесли нашему внуку зыбку, а вместе с нею счастье и благополучие».

¹ Когда родители оставляют ребенка одного в доме, без своего надзора, его также покрывают штанами отца.

В зыбку кладется тонкий слой конского волоса, поверх волоса раскладываются мягкие листья бадана, которые по мере надобности меняются.

Подвешивается зыбка или непосредственно к крюку, ввинченному в потолок, или к потолку привязывается лук из черемухи и к середине тетивы из конского волоса, прикрепляют веревку зыбки (рис. 3).

До рождения нового месяца новорожденного нельзя класть в зыбку. Он остается в общей постели с родителями; с появлением же нового месяца устраивается праздник положения в зыбку, на котором присутствуют лишь старые люди улуса.

Перед тем как положить ребенка в зыбку, старшая в семье женщина окуривает ее вереском и вешает над зыбкой мальчика, на нитке называемой «золотой», маленький деревянный лучок «ја» с деревянной же стрелой.¹ К стреле прикрепляется белая тряпочка, называемая «Маї-яня» (рис. 4).² Над зыбкой девочки вешают лишь две бусинки и тряпочку «Маї-яня» (рис. 5).

Окуривая зыбку и вешая тряпочку, женщина произносит слова «сөс»:

Алас, алас! одус башту от-яня
Кырык пашту Кыс-яня
Чиіды болзо пыжырбан
Тоңды болзо арбыскан
Ада болуп айланып түш
Яня болуп ажил түш
Киірди јунбан суда көл
Киндик кәскән ак тапкай
Суда көлдө субатту
Сурун түда ојнду
Тарак пашту Маї-яня
Кырык кыстың ортозында
Кыс ару Маї-яня!

Тридцатиголовая огонь-мать,
Сорокаголовая девица-мать,
Варящая все сырое,
Оттаивающая все мерзлое,
Спустиись, окружи и будь отцом.
Спустиись, покрой и будь матерью.
Омывшая грязь в озерной воде,
Обрезавшая пуповину белой щепкой,
Имеющая питье в озере,
Имеющая игрища на Сурун-горе,
С гребневидными волосами Маї-яня.
Среди сорока девиц чистая Маї-яня.

¹ И. И. Зарубин. Дополнения к статье Н. И. Веселовского. «Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение». А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны. Зап. ИРГО, 1886, стр. 182.

² «Маї-яня» это имя доброго духа, покровительницы детей; телеуты рисуют ее образ в виде красивой, молодой женщины с волнистыми, серебряными волосами. «Маї-яня» имеет игрище на Сурун-горе; гора эта будто бы очень красива; на ней духи отдыхают и принимают пищу, а после соприкосновения с людьми обмываются в молочном озере (Белое озеро имеется в верховьях реки Алаша). Как сорочка «кујак», в которой родился ребенок, охраняет его в чреве матери, так тряпочка «Маї-яня» охраняет ребенка от злого духа после рождения. В случае опасности «Маї-яня» невидимо пускает стрелу в темного духа, посягающего на здоровье или жизнь мальчика.

От благополучно выросшего ребенка тряпочка «Маї-яня» переходит к следующему; она никогда не стирается, поэтому иногда над зыбкой можно видеть грязную, закопченную тряпку; если ребенок умирает, тряпочку «Маї-яня» сжигают, а над следующим ребенком вешают новую.

Появление на свет нового человека является событием в улусе и привлекает к себе внимание всех жителей от мала до велика. Дети присутствуют при родах и прекрасно знакомы с процессом появления на свет ребенка. Женщины и девушки толпятся в помещении, где происходят роды; мужчины в ожидании угощения собираются возле дома.

При первом крике ребенка со всех сторон раздаются вопросы: «Мальчик или девочка?» Если родился мальчик, присутствующие радостно восклицают: «Хорошо!», «Охотник!», «Ружейник!», «Жену в дом приведет — арачку пить будем!». При появлении на свет дочери ликование умереннее: «Ну, что-ж, ничего, калым брать будем, сват с арачкой приедет, еще пить будем!» Но слышны и такие полусуточные возгласы: «Куда девчонку, это чужой человек, уйдет из дома, бросить ее собакам!».

Все присутствующие тут же подбирают имя новорожденному; попивая арачку, каждый кричит свое, один, напр., предлагает назвать мальчика «таш» (камень), другой — «акча» (деньги), третий — «чалкан» (репа), «іркă» (самец), «кіжі» (человек), «чііт-пăк» (молдая ливственница) «чочко» (свинья), «куй-качі» (пещерный писарь), «ііт» (собака), «мăлăй» (варешки) и пр., вплоть до неудобопечатаемых, напр., ядрена мать, ж...а и др.; к последним относятся преимущественно имена, данные по совету проезжих русских купцов, но иногда дают новорожденному отвратительное имя умышленно сами родители — это в тех случаях, когда предыдущие дети не выживали, умирали маленькими.

Девочкам выбирают более привлекательные имена, напр.: «чăчăк» (цветок), «сырға» (серьга), «кур» (опояска), «таначак» (нагрудное украшение), «Којон» (заяц), «пўбăі» (зыбка), «топчы» (пуговка), «кăндык» (растение, корень которого употребляют в пищу). Большая часть телеутов улуса Черга крещенные и имеют православные имена, но крещение их происходит поздно, лет в десять-пятнадцать и даже позже; поэтому при рождении ребенок получает имя в такой обстановке, как описано выше.

Чаще всего ребенку дают имя того, кто первый после его появления на свет войдет в помещение, где происходили роды, или того, кто подъедет к анлу к моменту рождения; в таких случаях отец новорожденного обращается к вновь прибывшему со словами: «Ты, счастливый, пришел и у меня в этот час ребенок родился. Дай ему свое имя».

Тот, имя которого дается ребенку, должен матери новорожденного подарить что-нибудь, большею частью какой-нибудь пустяк, копеек десять-двадцать серебром. Есть будто бы любители награждать новорожденных своим именем; они стараются подоспеть к важному моменту с каким-нибудь подарком.



Рис. 6.

Иногда ребенку дают имя умершего родственника, дабы последнему легче жилось на том свете.

Нельзя давать новорожденному имя отца, так как у телеутов жена не может называть своего мужа по имени, а следовательно в его присутствии не сможет обращаться к своему ребенку, называя его по имени.

По случаю рождения ребенка и дачи ему имени, отец новорожденного закалывает одного-двух баранов или нетель, потчует присутствующих арачкой; особенно же угощает и уделяет внимание той женщине, которая помогала при родах. Когда последняя, уходя, прощается с родителями новорожденного, те говорят ей: «Мы придем к тебе золотить твои руки, а вот тебе пока, возьми на зуб», при этом отец ребенка или мать отца новорожденного кладет в рот бабки между зубами серебряную монету, чаще всего копеек в двадцать.

В том случае, когда родители новорожденного бедны, соседи приносят угощение с собой в виде арачки, мяса, масла, творога, сырчиков.

Обычно дня через два-три после родов мать новорожденного принимается за свою каждодневную работу: готовит семье пищу, убирает скот, седлает лошадь для мужа, готовит талкан, сидит арачку, присматривает за ребенком.

Кормит мать ребенка всякий раз, когда он проявляет признаки беспокойства, плачет — словом кормит без счета. В период кормления, если родители новорожденного бедны, соседи приносят «на поправку здоровья» масло, пенки, снятые с кипяченого молока, мясо, сырчики, творог. Кормящая бедная женщина имеет право пойти к любому богатому соседу и надоить себе от его коров молока.

Если у матери для ребенка не хватает своего молока, она прикармливает его коровьим молоком из рожка («умчй»), который состоит из рога коровы и сосочка вымени, предварительно выскобленного внутри и тщательно просоленного. Дают ребенку и пустой рожок для сосания.

Несколько дней после рождения телеуты ежедневно купают новорожденного в соленой воде и приблизительно раз в неделю смазывают промежность и под руками овечьим салом или коровьим маслом; заворачивают в пеленки («чү»), реже в шкурку. Алтайцы тело ребенка не моют, оставляя его на несколько дней в одной и той же шкурке, привязанным к зыбке, от чего, по выражению Коюн, тело алтайского ребенка «задубеет и ничего».

Подрастающему ребенку стелют на пол кошму, на которой он и играет, постепенно начиная приподниматься и, цепляясь за лавки и стол, учится ходить; у алтайцев же в юрте имеется особая «детская дорожка» («пёкүр»): тонкий гибкий ствол березы втыкается обоими концами в земляной пол, образуя дугу высотой около 40 см от пола; ребенок, начиная ходить, хва-

тается ручонками за эту дугу и, таким образом, передвигается. Если подрастает мальчик, эту дугу ставят против входа на левой, мужской стороне, если девочка, то против входа на правой, женской стороне. Дети с малых лет прекрасно знают, что в их распоряжении лишь одна определенная половина юрты.

Через полгода после рождения мать-телеутка шьет своему младенцу первую рубашку и первые «обутки» (обувь). Старшая в семье женщина, чаще всего мать отца ребенка, одевает последнему эти вещи, приговаривая:

I.

Ак пашту
Арсыл түштү
Абаңа арбаң пол
Анаңа аш пол
Ажар карандашту бол

Да посеешь ты и
Станешь беззубым стариком,
Отцовский сын будешь,
Матери сыном будешь,
Чтобы расти тебе со следующим
братом!

Јус јашка јат
Југүрүк атка мин.

На сотни лет!
Да ездить тебе на скакуне.

II.

Алданда адала пала пассын
Кіңі адала мал бассын
Талды бүрчүктү бол
Ітті кучукту бол.

Передние полы пусть ребенок топчет,
Задние полы пусть скот топчет,
Пусть детей у тебя будет столько,
сколько у тальника (ивы) почек,
Будь так же плодлив, как сучка.

Нарядив ребенка в первую новую рубашку, родители первый свой визит с ним делают бабке-повитухе. Отправляясь к ней, они берут с собой арачку, белый хлеб, 5 — 10 крашенных яиц, калачики (в масле жареные крендельки), пряники и красный или белый ситцевый платок («паричкий»), а кто побогаче несет вместо платка метров 7 ситцу. Придя к бабке, привязывают ей подарок к правой руке — «золотят руки», затем угощаются принесенными лакомствами, и когда родители с ребенком уходят, бабка обращается к младенцу со следующими словами: «Мой сыночек, ты вырастешь большой, вот тебе царю-государю подать», при этом она дает ребенку 15-20 копеек; это телеуты называют «благословить податью».

Следующий визит свой молодые делают с ребенком родителям матери. Они так же, как и к бабке, берут с собой «тажур» с арачкой, хлеб, несколько крашенных яиц (количество зависит от достатка). Деду (отцу матери) везут ситцу на рубаху, бабушке (матери молодой женщины) — ситцу на платье.

Погостив у родителей и возвращаясь домой, дочь при прощании получает от родителей подарок скотом: лошадь или корову. Если у нее есть братья, те также дарят ей корову, а иногда и деньги.

Только после этих двух визитов родившая женщина может посещать соседей. При первом ее появлении с ребенком, каждая семья дарит что-либо младенцу, хотя бы пустяк, напр., мальчику поясок, а девочке бисер или пуговицу.

Первые месяцы телеуты ребенку волос не стригут, а затем, приблизительно через полгода, обрезают ножницами «под горшок»; алтайцы же оставляют на лбу прядь волос в виде челки и на макушке головы тонкую прядь для заплетания косички; остальные волосы сбривают острым ножом; чтобы не болела голова, срезанные волосы бросают в огонь.

Выпавшие молочные зубы закатывают в хлебные шарики и дают съесть молодой собаке для того, чтобы следующие зубы ребенка были бы так же крепки, как у собаки.

Ушные мочки протыкают для серег в первые весенние месяцы, когда реки разливаются и у черемухи наливаются почки; если ко времени появления на свет ребенка черемуха успеет отцвести, операцию прокалывания откладывают до следующей весны; утверждают, что в противном случае у ребенка уши будут болеть.

Чтобы предохранить ребенка от заболеваний, ему привязывают на шею, на тесемке, небольшую раковину моллюска каури, называемую «жаламаш». У крещеных детей рядом с «жаламаш» вешают крест. Телеутка Александра с детства носит на шее тесемочку, над которой ее родственник-кам сказал слово «сбс» для предохранения ее от вторичного заболевания тифом; называется такая тесемочка «Јаца».

По мнению телеутов болезни приносит дурной ветер. В Монголии будто бы есть такие старые люди, которые умеют пускать болезни по ветру; они снимают с больного платье и сжигают его вместе с написанной на бумаге особой молитвой; дым направляют в ту сторону, куда хотят послать болезнь. Дойдя до назначенного места, дым рассеивается; при этом чувствуется сотрясение земли, и разражается болезнь.

Причину болезни может узнать только кам в процессе камлания, поэтому при всяком заболевании ребенка или взрослого приглашают кама. Но совершенно особое отношение наблюдается на Алтае к заболеванию ребенка корью или оспой: при этих болезнях *камлать нельзя*. Когда у ребенка появляются признаки кори, в помещении, где он находится, прежде всего все моют начисто: пол, окна, лавки, стол, посуду; затем на окна вешают чистые занавесы, стол накрывают чистой, белой скатертью и ставят на нем угощение: арачку, пресное печенье, пряники, мед. В перед-

нем углу развешивают штук пять-шесть новых чистых женских платьев и платков. Больного ребенка одевают во все чистое, по возможности новое. Все члены семьи также переодеваются в чистые праздничные, по возможности новые, платья и ждут невидимого посещения матери-корь («Корь-ай»), служительницы Талай-хана—духа моря. Она является незримо в дом и «переваривает» тело больного ребенка, делает его новым.

Ежедневно старший член семьи, мужчина или женщина безразлично, окуривает больного ребенка вереском, произнося при этом следующий «сбс»:

Чок Каиракан!

Адар таңы атканда (чок)
Ару кунум чыкканда (чок)
Сарлап таңым атканда
Сікініп кунуң чыкканда
Ак чачылды тамдан жадым
Кор айнака каиракан!
Ос алдынаң кан алағар
Ос алдынаң піі алағар

Оң көзіңнің коруң тур
Оң калыжың бәрің тур
Катап болзо пыжырып турған
Катап болзо жапан турған
Жајучыды алағар
Ас мынаң кіш куіруктанып
Ак јолыбар мынаң јураттан
Калған болзо јарыгар
Каякып болзо субар
Јатті судын палтірі
Јатті кузулчак кујуна калған

Ак паладың тартырған
Алтын өргө тудуңған ала
Айда јуртап калған алағар
Тоғус судың бәлтірі
Тоғус кыјылчак кыјылған
Ак паладың тартынып
Алтын өрзө тудуңған ала
Турлап калған јуртубар
Анаң собу тартканда

Уважаемая!

При появлении зари,
При свете восходящего солнца,
При первых лучах зари,
При первых восходящих лучах солнца,
Белое кропление приношу,
Мать-корь, Уважаемая!
От царствующего отдельного царя,
От властвующего отдельного началь-

ника,

Правым глазом взгляни,
Правое благословение дай.
Много раз варившая,
Много раз творившая,
Будучи творцом,
Как соболев распустивший хвост,
Ходишь спокойно по белым дорогам,
Пришедшая по дорогам,
Приплывшая по водам
С соединения семи вод,
Пришедшая от семи вращающихся
водоворотов,
Притягивающая чистых детей,
Держащая золотой дворец,
Там живущая пришла.
Живущая на соединении девяти рек,
На девяти водоворотах крутящихся,
Чистое дитя притягивающая,
Держащая золотой дворец,
Пришедши живешь,
Еще ниже отправившись

Он әкі судың бәйтәрі
Он әкі кујулчак кыжылған

Ак талідың појунаң чығарда
Жарғы мынаң чыккан
Көк талаідың појунаң
Жарғымынаң чыкканар
Кызыл торғо кіімдү
Кызыл пырчып чырайлу
Тоң торкодо кіімдү
Толғон айды чырайлу
Ак талаідан чыкканда
Ак туманды жазып чыкканар
Каттап болзо албата чыкканда
Катап жапан
Катап пыжырып
Алдығар сілдің ачық жүртәп

Аркачар сілдің су сүзүп жүрәттән
Оң көзүмнің көрүп көр
Оң алкыжың бәріп тур
Пала баркады паскайда байлабаі тур
Лобош оттуруғар
Жымжағажын тынып тур
Лабогожын оттуруп туруғар
Алдығардан сілдің өдбін
Ажарғарға мөргүін
Жалындағыды уғуп тур
Лалбарғанымды сөгін турғар

После каждой строки прибавляет «чок». Поставленное на стол угощение для «Корь-әнә» в течение всей болезни каждый день заменяется свежим. Члены семьи, где находится больной, к соседям не ходят, и те в свою очередь не должны посещать дома больного. Близкие больного не должны переплывать реку в период болезни. Нельзя подводить близко к дому потных лошадей, так как запах конского пота может быть неприятен для незримо навещающей больного «Корь-әнә».

По выздоровлении ребенка, в первое же половодье, старший член семьи плетет из тальника небольшой плот; на этот плот ставят арачку, пресное печенье, мед и ягоды и пускают его по течению реки «в море к Талай-хану».

Через двенадцать соединений рек,
Через двенадцать крутящихся водо-
воротов

От белого моря своего вышедшая;
Оттуда с определением вышла
Из своего синего моря,
С определением вышла
В одежде из красного шелка,
С чистым румяным лицом;
В одежде из чистого шелка,
С лицом, как полный месяц,
Вышедшая из белого моря,
По белому туману плывущая,
Много раз к народу выходившая,
Много творившая,
Много варившая,
Ходите так, чтобы впереди вас ничего
не было,

Чтобы позади вас ничего не было.
Взгляни правым глазом,
Дай правое благословение,
Малых детей ходящих убаюкивай,
Смирно сидите,
Мягко (нежно) дышите,
Спокойно сидите,
Под вас подползаю,
Под ногами молюсь,
Будьте внимательны к просьбе,
Будьте внимательны к мольбе.

Если же ребенок умирает от кори, то его сорочку, поясок, платок и обувь берегут до весны, и весной отправляют эти вещи вместе с перечисленным выше угощением, на плоту вниз по реке, к Талай-хану.

Во время заболевания ребенка оспой («Анй-кйжі»), в помещении больного проделываются те же приготовления к приему, что и при кори. Молитва «Анй-кйжі» следующая:

Ас-пір тонун кйініп

Аі онынаң пурулуп, чык!

Кйш-пір тонун кйініп

Күн онынаң пурулуп, чык!

Оң козұнйаң кйрұп, чык!

Оң алкыжын пйріп, чык!

Ам кйзұн кйрұп, чык!

Ару чыраі пағын, чык!

Айрікйнчй жйрікйнчй болдыбар

Ак жолында пйріп, чык!

Сыллу кйжінің сыжын кйрдұбар

Ойлу кйжінің ойн кйрдұбар

Он жйтгі каның пйлтірдйн

Он жйтгі талайдың појунаң

Жарылып чыкканыбар

Амчй појуыбар амдйбар

Томчы појуыбар, томдобар

Он жйтгі талайдың пйлтірй

Анйам тоібодым појуына,

Жйрі журтубарба жаныбар!

Он жйтгі кујулчак кујулбан журтабан

йдыбар

Жйрігйрдйң чыкарда

Тобус карындаш полбон

Анйам тоібодымнаң жарбылу

Ал албатыбарды йбйрің

Айрікйнчй болды!

Амдй жаныбар

Полор слйргй

Одевшись из горностая в шубу,

По движению месяца кружась, уходи!

Одевшись из соболя в шубу,

По движению солнца кружась, уходи!

Правым глазом посмотревши, уходи!

Правое благословение давши, уходи!

Взглянув доброжелательно (с пользой для больного) глазом, уходи!

Победивши милое лицо (больного), уходи!

Натосковавшись и надоевши, довольно!

Давши чистый путь (новую жизнь после болезни), исчезни!

Приношения жертвовавшего человека вы уже видели,

Умного человека ум вы уже видели.

От семнадцати соединений ханских (дорог),

От самых семнадцати морей

Отделившись, вы вышли.

Будучи сами врачом, лечите!

Будучи сами наговорщицей, лечите!

К слиянию семнадцати морей,

К своей матери-большой реке,

Туда, где вы живете, возвращайтесь.

На земле, где кружится семнадцать водоворотов, вы жили.

Из этой земли вышедши,

Вы были в числе девяти братьев.

С разрешения матери-великой реки

Вы обходите всех людей.

Вам тоскливо,

Теперь возвращайтесь,

Довольно вам!

У алтайцев при заболевании корью или оспой также нельзя камлать. Больного переодевают во все красное, и кто побогаче, тот и постель ребенка застилает красным. Бедные ограничиваются тем, что повязывают голову больного красным платком. У изголовья больного ставят чашку с молоком. Каждый день молоко меняют, выливая на пол, на чистое место. Утром и вечером из чашки брызжут молоко наружу в открытую дверь, кланяясь и говоря: «Матушка оспа, будь легонька и сохрани больного!». Определенного текста обращения к кори или оспе, как у телеутов, у алтайцев нет. По словам Анны Бачи: «Кто что сумеет, то и говорят», «раньше, быть может, и был „сбс“, да забыли». Если близким покажется, что молоко из чашки за ночь убыло — радуются, говорят, что это хороший признак для больного.

У алтайцев соседи посещают больного корью или оспой; они приходят с веткой вереска, березкой, украшенной тремя ленточками («жалама»), хлебом и молоком. Принесенную березку помещают над дверью юрты, зажигают ветку вереска и, произнося приветственные слова кори или оспе, брызжут молоком в открытую дверь.

Если в семье не выживают дети, умирают маленькими, то в таких случаях последнего умершего ребенка одевают в праздничное платье; на голову мальчика одевают шапочку, девочке платочек; труп тщательно заворачивают в кусок бересты, туго перевязывают этот сверток веревкой из конского волоса, и отец умершего ребенка вешает его в лесу, высоко на березе, в пустынном месте, где никто не ходит. Обычно же детей и взрослых закапывают в могилу. С той же целью сохранения жизни ребенку, последнего продают на время — большую часть лет до трех-четырех, т.-е. на тот возраст, в котором предыдущие дети умирали — в соседний улус. Мой проводник-алтаец был продан отцом в ближайший улус, где и пробыл до 3-летнего возраста, и был выкуплен отцом за жеребца. Дабы не навлечь на своего ребенка смерть или тяжкую болезнь, мать не должна в раздражении называть его «көрмбс'ом»¹ (излюбленная ругань на Алтае). Нельзя матери оплакивать своего умершего ребенка, потому что последнему будто бы тяжело на том свете от материнских слез.

Если женщина при тяжелых родах умирает, после ее похорон в избе все тщательно моют, все вещи перетряхивают, платья переполаскивают в реке.

¹ См. А. В. Анохин. *Op. cit.*, стр. 1.